

События, произошедшие в России, требовали осмысления. Этому стремлению отвечают рассказы, обращенные к прошлому страны. Здесь находит Куприн героические фигуры защитников родины («Однорукий комендант», 1923), людей, способных на почти невозможное, хотя и слепо повинующихся высшей власти («Царский писарь», 1918). И с болью пишет об «уторопленности» современной жизни, «удесятеренной в своей поспешности всеобщей нервностью», о непримиримой и неосознанной жестокости юных по отношению к старине, в которой умели терпеть, неторопливо «дружески беседовать и слушать друг друга». Именно нетерпение, в глобальном масштабе, разрушило исконный уклад.

Годы эмиграции были ознаменованы появлением трех крупных произведений. Первым в 1929 году появилось «Колесо времени». Вдали от родины писатель в очередной раз задумывается о загадках души русского человека, нации, которая своими руками разрушила то, чем жила. Эта тема была начата в рассказах «Система» (1931), «Потерянное сердце» (1931), «Ночная фиалка» (1933) и продолжена в романе.

Проверить русскую душу Куприн решает в самом серьезном испытании — любви. Снова эта всегда волновавшая его тема получает новое развитие. До «Колеса времени» у художника было лишь две героини (Олеся и Суламифь), обладающие способностью к «освобожденной» от любых пут любви. Но оба образа романтизированы, окружающий их мир в той или иной степени условен. Теперь писатель создает вполне реальную фигуру своей современницы, но полностью отвечающей его представлениям о духовной гармонии. Мария (писатель недаром делает ее француженкой, то есть личностью, сформировавшейся в совершенно отличных от русских условиях) внутренне свободна, строит всю жизнь в соответствии со своими запросами и понятиями. Эта нетерпящая фальши натура во всем самостоятельна: она даже обеспечивает свое существование, создавая гобелены, не желая жить на средства, заработанные не ею. Любовь для Марии — это всегда искренность и радость, начисто лишена притворства, расчета и компромиссов. Вот почему она уходит, замечая в любимом равнодушие и отчуждение от нее.

Михаил — натура сильная, яркая, но и противоречивая. С трудом отрешается он от обиды за «духовное превосходство» Марии, ревности к ее прошлому, «копания» в чужой и своей душе, присущего российской интеллигенции. Часто в часы наибольшей близости с возлюбленной Михаила вдруг посещают «недобрые чувства»: опасение в покушении на его свободу, разочарованное самолюбие, когда «роковая женщина» оказывается «швейной мастерицей». А затем — и пресыщение: по словам самого героя, он «заелся», «позволял себе любить — и только». Так своими руками человек губит любовь и себя.

Перед нами — исповедь того, кто разрушил собственное счастье, а затем осознал произошедшее и стал казнить былой слепотой. Чувство вины духовно преображает Михаила и вместе с тем «опустошает» его, не выдержавшего удара. Молодой человек задает себе вопрос: «И не эти ли черты стороны русской души создали удобренную почву для такого пышного расцвета русской самозванщины, от Емельки до Хлестакова». Тем не менее Куприн замечает, что размеренность, рациональность Марии лишает ее бурных, свежих сил, играющих в «молодой расе» ее возлюбленного. Надежду художник и возлагает на эту духовную энергию, искреннее желание преодолеть досадные ошибки.

Роман «Юнкера» (1928—1932) явился продолжением автобиографической повести «Кадеты» (1906). Однако угол зрения на окружающий мир здесь абсолютно другой. В раннем произведении открыта безжалостная ломка детских душ в кадетском корпусе. В «Юнкерах» обличающий тон сменяется благодарностью за «строгое и мягкое, семейное, дружеское военное воспитание». Кроме общей деятельности, юнкера и их наставники имеют психологические связи. Строгость обучения соединяется с подлинно гуманными отношениями, «суровой участливостью» педагогов. Обычная для раннего Куприна быстрая смена событий, избрание одного направления в их развитии также исчезает. Писатель позволяет себе тщательно, с любовью перебирать каждую мелочь, наслаждаться подробностями, вольно обращаться с временной последовательностью. Ведь теперь о дорогом прошлом размышляет человек «в летах».

Каждая деталь вызывает у него «сладкую, горьковатую и нежную грусть». Именно в силу этого качества «Юнкера» и оживляют прекрасные стороны русской жизни конца XIX века. Это и история Александровского училища, и повесть о старой Москве «сорока сороков» с ее знакомыми улицами, великолепием балов, и благородное лицо Александра III, данное через восприятие только начинающего жить героя.

Юность Александрова — вторая линия повествования. Куприн старается запечатлеть каждый почти неуловимый «шаг» процесса взросления. С тончайшим психологизмом освещены все этапы перерастания детской влюбленности в женскую красоту вообще в